

1

— Нам придется снова прибегнуть к помощи яда. Уверенность в своей правоте, с которой элегантная леди произнесла эти слова, могла привести в ужас любую чувствительную натуру. Но ее собеседник лишь с легким неодобрением покачал головой:

— Я бы не советовал. Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь припомнил тот случай...

— Прошло уже три года! Неужели вы полагаете, мой друг, что кто-то еще вспоминает о неожиданной кончине мистера Рассела? Каждый новый сезон приносит с собой новую скандальную историю, не говоря уж о многочисленных сплетнях, занимающих мысли наших знакомых...

— И все же лучше воздержаться, поверьте моему опыту. Нужно устроить все самым естественным образом, так, словно наш несговорчивый джентль-

мен попал в беду по собственной глупости или невезению, это уж как кому больше нравится.

— Ну, хорошо, — решительная дама неохотно, но все же уступила доводам своего друга. — Только прошу вас не медлить, я бы хотела доставить себе маленькую радость к Рождеству.

— О, полгода — это даже больше, чем я мог рассчитывать! Однако мне стоит спросить — вы в самом деле испробовали все другие средства? Что, если вместо денег предложить ему поддержку в исполнении его честолюбивых планов?

— Он и слышать ничего не желает! Вчера я в очередной раз говорила с ним и теперь совершенно уверена — другого пути у меня нет. Он не захотел уступить такую малость даже в обмен на мою помощь, а я ведь могла бы многое сделать! Теперь остается надеяться лишь на вашу изобретательность.

— Видит бог, как мне не хочется... Вы слышите? Кажется, рядом с нами, в кабинете, какой-то шорох!

— Не хватало еще, чтобы нас подслушали! Прощу вас, взгляните, может, там и в самом деле кто-то притаился?

Леди в нетерпении постукивала веером о подлокотник кресла, пока ее компаньон старался бесшумно приблизиться к неплотно прикрытой двери, ведущей из библиотеки в кабинет, после чего осторожно заглянул в щель.

— Похоже, кое-кто действительно проявил неуместное любопытство! — Мужчина с озабоченным видом вернулся к оставленному креслу. — Не стоило говорить о наших делах сегодня, когда здесь собралось едва ли не все графство!

— Но вы узнали, кто это был? — Тревога заставляла женщину все чаще и чаще взмахивать сложенным веером, так, что звук ударов о лакированную ручку кресла напоминал стрекотание дюжины летних кузнечиков.

— Я не вполне уверен, но мне не составит труда это узнать. Теперь же нам лучше присоединиться ко всем остальным за ужином и впредь не позволять себе так легкомысленно относиться к выбору места для приватной беседы.

2

Прохладный ветер устремился в комнату сквозь раскрытые французские окна, и Эмили потянула на себя край зеленой индийской шали. Было еще слишком рано, чтобы воздух пропитался солнечным светом, но первая утренняя чашка чая не позволяла леди Гренвилл замерзнуть.

Эмили не любила нежиться в постели. Не потому, что была ранней пташкой, отнюдь. В детские годы гувернантка частенько наказывала ее за опоздание к завтраку, лишая какого-нибудь лакомства за обедом, но девочку это не огорчало. Она не росла сладкоежкой, в отличие от своей сестры Луизы, и предпочитала провести лишние четверть часа в лабиринтах своих запутанных сновидений, нежели съесть кусок приторного марципанового торта, столь любимого ее сестрой. Может быть, поэтому Эмили в свои двадцать четыре года так и оставалась бледной худышкой, в то время как Луиза уже в пятнадцать радовала глаз округлыми формами.

Луиза... Печаль об утраченной сестре была лишь одной из причин, тревожащих сон Эмили. Поврежденная нога начинала особенно сильно ныть рано утром, когда лордам и леди еще положено крепко спать на пуховых перинах. В это время заспанная прислуга еще только принимается за каждодневную работу по дому — чистит камин, натирает паркет, а помощница кухарки растапливает печь на кухне, чтобы завтрак был готов к положенному часу.

За четыре года, прошедшие со свадьбы Эмили, слуги лорда Гренвилла привыкли к тому, что госпожа встает раньше их, хотя поначалу пытались опередить ее и успеть прибраться в комнатах, пока миледи еще в постели. Узнав об этом, Эмили запретила экономке будить служанок едва ли не посреди

ночи, и уборка в покоях леди Гренвилл проводилась теперь вечером, после того как госпожа уходила в спальню.

Одной только горничной Эмили приходилось подниматься затемно и готовить для леди чай и утреннее платье, но это неудобство хозяйка щедро оплачивала.

Сегодня ночью Эмили и вовсе почти не спала. Вчерашний бал, устроенный в ее день рождения, удался, но волнение, неизменно сопровождавшее хозяйку подобного празднества, помешало леди Гренвилл потратить с пользой хотя бы те краткие часы отдыха, что оставались до того, как Фанни придет помочь ей одеться.

Теперь она полулежала в кресле, устроив больную ногу на обитой теплым бежевым бархатом скамеечке, и прислушивалась к звукам просыпающегося дома, как делала каждое утро. После праздника у слуг всегда прибавляется работы, и им не удастся проделывать ее так тихо, как в обычные дни. Где-то слышался звон металла и приглушенные проклятья — наверное, лакей уронил серебряную вазу или соусницу; хлопнула от сквозняка оконная рама; заскрипела лестница под тяжестью грузной экономки миссис Даррем.

— Надеюсь, Дафна не проснется слишком рано, иначе она весь день будет раздражительной, — сказала себе Эмили.

Большая часть гостей, включая родителей хозяйки дома, разъехались после бала, но самые близкие друзья Эмили и ее мужа остались, чтобы провести в Гренвилл-парке еще день, а может быть, и два.

Эмили была рада компании, ведь порой она чувствовала себя такой одинокой... Но вот леди Пламсбери, бабушка лорда Гренвилла, могла бы украсить своим присутствием и какое-нибудь другое общество. Увы, поместье старухи находилось в центре ее обширных владений и отстояло от дома внука на целых двадцать две мили. Лорд Гренвилл ни за что бы не допустил, чтоб его почтенная бабушка проделала такой долгий путь в ночи. И теперь Эмили оставалось лишь уповать на то, что леди Пламсбери не задержится в ее доме на неделю вместе со своей болезненно-худой компаньонкой миссис Стирлинг.

Впрочем, в присутствии бабушки Уильяма был один несомненный плюс — пока старая леди гостила в доме внука, лорд и леди Гренвилл завтракали за одним столом, как и подобает примерным супругам. В другие дни Эмили чаще всего ела в этой же светлой комнате, выходявшей окнами в сад, а в хорошую погоду — на мощенной итальянским мрамором террасе. Лорд Гренвилл, если был дома, обедал и завтракал в небольшой столовой на своей половине дома.

Эмили провела в кресле целый час, раздумывая, сколько искренности было в улыбках Уильяма, расточаемых гостям и особенно гостьям. Со смертью первой жены лорд Гренвилл лишился своего веселого нрава и исполнял светские обязанности с холодной отстраненностью, над которой никто не осмеливался подшучивать, как неминуемо случилось бы, превратись Уильям в мрачного ворчуна вроде старого мистера Блэквелла.

Придя к неутешительному выводу, Эмили поднялась и, прихрамывая, вышла из своей маленькой гостиной прямо на лужайку. Вчера она провела слишком много времени на ногах и знала, что в ближайшие дни ей понадобится новая порция натирания, изобретенного специально для нее доктором Вудом. Но в свой день рождения ей так хотелось выглядеть веселой и бодрой! Она даже сумела протанцевать один не очень быстрый танец, с благодарностью улыбаясь добродушному Генри Говарду, который подлаживался под ее неверный шаг.

Она добралась до окрашенной в белый цвет чугунной скамьи и присела передохнуть в ожидании, пока кто-нибудь из подруг не присоединится к ней поболтать перед завтраком. Обычно это была Сьюзен, следом за ней на прогулку выходила Джейн, а вот Дафна считала, что утренний сон полезнее для ее цвета лица, нежели утреннее солнце.

Все же Эмили пришлось ждать довольно долго — после бала молодым леди требуется хорошенько отдохнуть, иначе их щечки будут выглядеть бледными, а глазки — припухшими. Наконец из-за угла дома показалась легкая фигурка Сьюзен Холтон. Девушка шла пританцовывая, словно в ее голове все еще звучала какая-то из любимых мелодий.

— О, Эмили, это было чудесно! — пропела Сьюзен и закружилась по лужайке. — Мне никогда не надоедят балы, даже если мне исполнится сто лет!

— Спроси леди Пламсбери. — Эмили невольно рассмеялась, глядя на Сьюзен и по привычке отгоняя от себя чувство зависти, словно назойливую муху. — Ей, конечно, еще далековато до столетия, но, по-моему, балы ей надоели еще до рождения Уильяма.

— А мне так кажется, она только делает вид, что не любит праздники! Где иначе она может узнать все сплетни и поругать нынешние нравы? — возразила чуть запыхавшаяся Сьюзен и наконец присела рядом с Эмили.

— Боюсь, придется с тобой согласиться, — кивнула Эмили. — Ты видела кого-нибудь еще?

— Горничная Джейн сказала, что ее госпожа скоро спустится, а Дафна, ты ведь знаешь, не сойдет к завтраку, пока не поругается с мистером Пейтоном!

О семейной жизни Пейтонов их соседям было известно все. Мистер Пейтон неудачно вложил капитал в какие-то шахты на севере, даже не потрудившись узнать, насколько надежна компания, которой он готов доверить свои деньги, и потерял значительную часть состояния. Дафна, молодая женщина, в равной степени хорошенькая и глупенькая, не могла простить супругу лишений, настигших ее во цвете лет. На ее упреки тот обычно отвечал обвинениями в мотовстве, отнюдь не беспочвенными — Дафна выросла в богатой семье и привыкла к дорогим безделушкам, изящным нарядам и роскошным экипажам, чего муж не мог ей предоставить в необходимом количестве.

Теперь же миссис Пейтон могла заказывать себе новое платье не чаще раза в сезон, а некоторые украшения, бывшие ее приданым, пришлось продать, чтобы выплачивать жалованье слугам и хотя бы иногда устраивать небольшие приемы.

Эмили сочувствовала подруге, но не всегда поддерживала критику в адрес мистера Пейтона — в конце концов, Дафна вышла за него замуж и должна разделять его горести и радости. Дела мистера Пейтона могли бы еще наладиться, если б он нашел себе лучших советчиков, нежели его прежний поверенный.

Лорд Гренвилл предлагал приятелю использовать свои связи и устроить его на выгодную должность

в одну из колоний. Небольшой особняк в Лондоне можно было на время сдать, но Дафна не желала уезжать из Англии, а муж не вынес бы ее бесконечных истерик, неминуемых, попытайся он настоять на своем.

От мыслей о Дафне Эмили отвлекла болтовня Сьюзен.

— Надеюсь, бедный Ричард достаточно хорошо себя чувствует, чтобы спуститься и позавтракать с нами.

— Твой дядюшка сказал, что у него обычные желудочные колики, и на завтрак ему лучше не есть ничего, кроме овсянки и поджаренного хлеба, но ничего серьезного с ним не произойдет.

Ричард Соммерсвиль и его сестра Джейн были очень дружны с Гренвиллами, а Сьюзен, кажется, надеялась в недалеком будущем стать невесткой Джейн. Мисс Соммерсвиль всячески поощряла уходаживания брата за мисс Холтон, в отличие от Эмили, которая предпочла бы видеть мужем Сьюзен кого-нибудь другого. Лучше всего, по ее мнению, на эту роль подошел бы милый застенчивый Генри Говард, кузен лорда Гренвилла. Прошлой зимой он познакомился со Сьюзен в Лондоне и с тех пор отзывался о ней как о самой прелестной девушке из всех, кого ему приходилось видеть. Но, увы, Сьюзен упрямо не проявляла к Говарду сколько-нибудь заметного интереса, а ведь Эмили неспроста пригласила Генри

подольше погостить в Гренвилл-парке, чтобы молодые люди могли чаще видиться, танцевать и беседовать, узнавать друг друга.

— И все же я не успокоюсь, пока не увижу Ричарда, — переживала Сьюзен.

Ричард Sommerсwиль вчера во время бала выпил несколько стаканчиков горячего сладкого пунша, а перед этим лакомился вместе с другими гостями замороженным фруктовым желе. Очевидно, сочетание льда и пламени дурно сказалось на его слабом желудке, и вместо ужина ему досталась микстура, наскоро составленная доктором Вудом из того, что он нашел в кладовке миссис Даррем.

Эмили попыталась отвлечь подругу от мыслей о Ричарде.

— Вчера ты напрасно переживала из-за платья, дорогая. В зеленом ты выглядела великолепно, я даже слышала, как лорд Мортем говорил это твоему дяде.

Сьюзен улыбнулась, она знала, что Эмили никогда не расточает похвалы без причины, в отличие от Дафны, которая могла восторгаться чем-либо, а уже через полчаса находить этот же предмет вульгарным и безвкусным.

— Ричард сказал, что я похожа на лесную фею.

— Не думаю, что он видел хотя бы одну, — возразила Эмили. — Генри Говард сравнил тебя с одним